

УДК 94(47).072.5

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812-1814 гг.

© 2014 А.И. Попов, С.Н. Хомченко

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. *Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара.*

Хомченко Сергей Назарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. *Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.*

Первая публикация: *Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3(2), 2014. С.373-381. Поступила в редакцию 27.10.2014.*

Изучая судьбу военнослужащих Великой армии Наполеона, попавших в плен в 1812 году, авторы обратились к Поволжским губерниям, и для начала к Астраханской. Обширные российские архивные материалы довольно хорошо состыковались со свидетельствами иностранных источников, в том числе мемуарных. Авторы констатируют, что отношение российских властей к военнопленным польской нации было гораздо более предвзятым и суровым, чем к военнослужащим других национальностей, что объясняется двухвековой враждой двух народов.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., военнопленные наполеоновской армии, польские пленные, Астраханская губерния, архивные документы и мемуары.

Астраханская губерния для жительства военнопленных была определена циркулярным предписанием Министерства полиции от 29 августа 1812 г. за подписью Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова, вместе с Пермской, Оренбургской, Саратовской и Вятской губерниями¹.

В октябре 1812 г. сюда вступили польские военнослужащие, взятые в плен 9-10 июля н.с. в боях под Миром (1 штаб-офицер, 15 обер-офицеров и 261 нижний чин), под конвоем солдат киевского гарнизонного батальона во главе с майором Грушевским². 19 ноября они пришли в Астрахань. Офицеры были отправлены на жительство в уездный город Красный Яр, а нижние чины размещены в каменных Армянских казармах, откуда были выселены морские служители. Астраханской врачебной управе гражданский губернатор С.С. Андреевский предложил назначить медицинского чиновника для оказания им помощи в случае болезни.

17 декабря в сопровождении прапорщика тамбовского гарнизонного батальона Нудольского из Тамбова прибыли 2 бригадных генерала³, 3 штаб-офицера и 2 обер-офицера⁴. До 16 января 1813 г. в губернию из Рязани пришла еще одна партия из 7 обер-офицеров и 230 рядовых под командованием поручика Мартынова⁵.

Поступающие пленные оставались на жительство в расположенных на тракте уездных городах Черном Яру и Енотаевске, следовали до Астрахани, а оттуда могли быть отправлены в находящийся восточнее уездный Красный Яр.

Для принятия и размещения прибывающих пленных губернатором были даны соответствующие распоряжения Енотаевскому и Черном Яру городничим, а также губернскому уголовных дел стряпчему Змиеву, назначенному отвечать за пленных в самой Астрахани. Для проживания в Енотаевске 2 обер-офицеров и 30 нижних чинов и в

Черном Яре 3 обер-офицеров и 50 нижних чинов было рекомендовано нижних чинов поместить в одном казенном доме, а офицеров в особом или по обывательским квартирам. В Астрахани для 193 нижних чинов были освобождены каменные казармы и назначен караул из гарнизонного полка 1 обер-офицера, 2 унтер-офицеров и 22 рядовых. Сверх того для наблюдения внутреннего порядка определены были еще 5 инвалидных унтер-офицеров. Оставшихся офицеров было намечено отправить в Красный Яр, однако в связи со скорой отправкой пленных поляков на Кавказ это решение было отменено. Из астраханского провиантского магазина на первые дни было выделено 34 пуда 8 s фунта сухарей⁶.

По запросу Главнокомандующего в Санкт-Петербурге губернатор Андреевский составил рапорт о находящихся в губернии на 15 февраля 1813 г. пленных. Из командирского состава здесь находились 2 генерала, 3 штаб-офицера (пруссский штаб-лекарь в начале февраля был освобожден), 24 обер-офицера. Среди них было 18 поляков и 11 французов. Нижних чинов насчитывалось 477 человек, в том числе 312 поляков, 161 француз, 4 саксонца. Однако нужно учитывать, что в рапорт не вошли уже освобожденные к этому времени 5 испанских и 17 прусских рядовых, а 4 рядовых (2 поляка и 2 француза) умерли⁷.

В 1813 г. в Астраханскую губернию прибыли следующие военнопленные:

Время прибытия	Откуда	Партионный чиновник	Количество пленных			
			Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Женщины и дети
4.V.1813	Саратов			11	5	
18.V.1813	Саратов	шт.-капитан Корнеев			199	5 женщин
V. 1813	Москва		1 ⁸ .		1	
10.VI.1813	Балашев	прапорщик Савин		1	102	
10.VI.1813	Саратов	губ. секрет. Ламухин			110	
28.VI.1813	Саратов	тит. советник Малов			200	9 женщин 5 детей
1.VIII. 1813	Вологда	кв. надз. Федорчуков	2 ⁹ .	22 ¹⁰ .	12	1 женщина

Кроме них в апреле 1814 г. из Вологды через Саратов прибыли еще 126 пленных неустановленных званий. Таким образом, Астраханская губерния официально приняла 2 генералов, не менее 7 штаб- и 58 обер-офицеров, 1 128 нижних чинов, 126 пленных неустановленных званий, 15 женщин и 5 детей. Абсолютное большинство из них (83%) относилось к польской нации¹¹.

Отношение к полякам во многом было не таким, как к солдатам армии противника, а как к государственным преступникам. 22 октября 1812 г. вышло распоряжение Главнокомандующего в Санкт-Петербурге об отделении всех поляков от других военнопленных и направлении их в Георгиевск, в распоряжение генерал-майора С.А. Портнягина, для пополнения гарнизонов Кавказской пограничной линии¹².

Вскоре после прибытия первой партии губернатор Андреевский предписал стряпчему Змиеву, назначенному для надзора за военнопленными, подготовить пришедших поляков к отправке в Георгиевск и представить список необходимой зимней одежды. В ответ Змиев сообщил, что во время перехода до Астрахани у пленных сильно пострадала обувь, и представил список, включающий новые сапоги, шерстяные чулки, суконные куртки и панталоны, рукавицы, шапки и шейные платки. Особо была отмечена необходимость дополнительных нательных рубах для чистоты и сохранения здоровья. Губернатор тут же распорядился отчислить из казенной палаты 6000 руб. для построения платья и обуви для этих и приходящих в будущем пленных. Подготовка к отправлению

была временно прервана 7 января 1813 г., когда губернатор получил предписание Вязмитинова от 18 декабря не отсылать поляков в Георгиевск, а разместить их наравне с прочими пленными по уездным городам.

Отправка поляков на Кавказ началась в апреле 1813 г., когда в Георгиевск отправилась партия, включавшая в себя 12 обер-офицеров и 220 нижних чинов.

Более подробно можно проследить за второй партией «кавказских пленников». 18 мая 1813 г. в Астрахань пришли 199 нижних чинов и 5 женщин. К ним присоединились 11 офицеров, доставленных за неделю до этого, и 51 рядовой из предыдущих партий, оставленных в уездных городах Черном Яру и Енотаевске. Таким образом, была сформирована партия из 11 обер-офицеров и 250 нижних чинов, сопровождать которую был назначен капитан Астраханского гарнизонного полка Юнг с конвойной командой из 1 унтер-офицера и 15 рядовых того же полка и 10 казаков Астраханского казачьего полка. Астраханская казенная палата по предписанию губернатора выделила 1610 руб. на жалованье пленным, наем подвод из расчета одну на 2 офицеров или на 12 рядовых и на издержки в пути. 34 одноконные подводы были наняты у занимавшихся извозом татар по 25 коп. за подводу, о чем был составлен соответствующий контракт. Был намечен маршрут движения через 21 населенный пункт протяженностью 562S версты, которые рекомендовалось преодолеть за 30 дней. Капитан Юнг получил стандартную инструкцию сопровождения, по которой он должен был пресекать побег и следить, чтобы пленным в пути притеснений чинимо не было, чтобы они вели себя скромно и послушно. 6 июня партия, за исключением 3 офицеров, оставленных за болезнью в Астрахани, выступила в путь, а уже 29 июня губернатор получил рапорт Юнга о благополучном завершении перехода.

В июле по тому же маршруту отправились 7 обер-офицеров. Четвертая партия поляков в составе 250 нижних чинов в сопровождении капитана Жукова выступила в Георгиевск 8 августа.¹³ Таким образом, на Кавказ через Астрахань было переправлено 27 обер-офицеров и 720 нижних чинов польской нации. Возможно, что остальные вскоре последовали бы за своими товарищами, но 25 августа генерал Портнягин распорядился определить оставшихся поляков на службу в Астраханский гарнизонный полк. Таковых оказалось 276 человек, 274 из которых в октябре приступили к своим новым обязанностям.

Весной 1814 г. Астраханский гарнизон получил новое пополнение. 1 марта для его укомплектования в Астрахань из Георгиевска прибыли 132 поляка. Местом их жительства были назначены казармы в Кремле, но они были заняты служителями морского Экипажа. В результате прибывшие вынуждены были больше месяца жить на открытом воздухе, пока служителям подбирались другие квартиры. Заселились поляки в казармы лишь 11 апреля. В апреле 1814 г. из Георгиевска прибыло еще 233 поляка, которые были распределены по артиллерийским гарнизонам Астраханского округа, в том числе в Баку, Дербент и Кизляр¹⁴.

Некоторые служащие в Астраханском гарнизоне поляки не получали положенные им порционные деньги в размере 5 коп. в день. 18 из них оставались без жалованья 7 месяцев, а 115 - 3 месяца. Трудно сказать, злоупотребление ли это или простая халатность, но с соответствующей жалобой к властям пострадавшие обратились в декабре 1814 г., непосредственно перед отправкой на родину. Явное злоупотребление положением допустил титулярный советник Андреев, который сопровождал партию поляков из Георгиевска в Астрахань весной 1814 г. Двадцать из них, также перед отправлением, объявили претензию, что Андреев в течение всего пути не выплачивал им жалованья. Кроме этого, уже находясь на службе в Астрахани, они не получили за один месяц трети жалованья. Претензии были признаны справедливыми, и деньги за службу выплачены. Взыскать же деньги с Андреева не удалось по причине его отъезда из Астрахани¹⁵.

Кроме гарнизонной службы пленные употреблялись и в различных работах по

благоустройству Астрахани - ремонте улиц и мостов, рытье канав для стока воды, за что они получали дополнительно по 15 коп. в день. 59 человек было командировано в Экспедицию Астраханских соляных озер для охраны их от расхищения соли обывателями. 10 находились на службе в разных карантинах. Шестеро благонадежных французов (хотя речь, скорее всего, шла о поляках) служили в астраханской пожарной команде «при инструментах и лошадях».

Допускалось использование пленных в работах по найму частными лицами. Так, в уездном Енотаевске французы работали на предприятии по производству водки (винокурне), за что в день получали суммы, равные 6 французским су, что было хорошим жалованьем, так как фунт мяса, например, стоил всего 1 су.

Унтер-офицер 2-го полка польского Легиона Вислы Станислав Новацкий, который был взят в плен в Борисове 27 ноября, затем сбежал, но в декабре вновь попал в плен в Гродно, вспоминал, что ни в одном месте к пленным так хорошо не относились и не давали так хорошо заработать, как в Астрахани. Здесь поляки выполняли роли докторов, различных ремесленников: маляров, лакировщиков, шорников, кузнецов и т.п. Представителям последних трех специальностей позже даже было задержано отправление домой, так как они обновляли кареты губернатору и стряпчему, и их товарищи также были вынуждены ждать окончания этой работы. Музыканты на разных инструментах играли на балах у местной знати. Каждый использовал любой способ, чтобы заработать, и у каждого в карманах бренчали серебряные монеты¹⁶.

Одной из проблем было медицинское обслуживание пленных, так как врачей не хватало даже для нужд жителей. Иногда пленные болели и умирали либо из-за отсутствия медицинской помощи, либо из-за ее некачественности. Например, одного больного геморрагической лихорадкой хозяева квартиры «лечили» обливанием холодной водой, отчего он скончался. Было принято решение использовать для лечения военнопленных пленных же врачей, каковых в январе 1813 г., губернии оказалось двое - пруссак Мильдо и австриец Вацлав Бургоний. Первый остался в Астрахани, второй был отправлен в Красный Яр. Аптекакам было приказано отпускать лекарства по их рецептам. Позже к работе присоединились их коллеги Руссо (о нём речь пойдёт ниже), Луи Леборн (из 33-го линейного полка) и Анжей Вансович (из польского 11го уланского полка). В ответ на запрос Вязмитинова от 7 мая 1814 г. астраханский губернатор сообщил, что через губернские больницы за все время прошло 160 человек, из них умерли от болезней 15 нижних чинов. Кроме этого, один пленный поляк утонул в Волге, случайно упав в воду во время работ на пристани¹⁷.

Отдельно стоял вопрос об обеспечении военнопленных в преддверии зимы 1813/1814 гг. теплой одеждой. Для разрешения его в октябре из Санкт-Петербурга поступило распоряжение о предоставлении желающим офицерам под расписку по 100 руб., а немощным солдатам, не могущим самостоятельно заработать, - по 10 руб. Таким правом воспользовались 32 офицера и 13 нижних чинов. Среди причин, признанных убедительными для получения пособия солдатами, значились «за старостию», «за обморожением рук и ног», «за болезнью в глазах»¹⁸.

Помимо телесного лечения предпринималась забота и о духовном здоровье пленных. В декабре 1813 г. вице-президент Московского комитета Библейского общества Бантыш-Каменский прислал пять экземпляров Нового Завета на французском языке и один - на итальянском, прося губернатора «содействовать в деле доставления словес живота вечного в руки сих несчастных людей, дабы страна неволи их с благословением Божиим сделалась местом возрождения их духовной свободы». Тогда же из Санкт-Петербурга Библейским обществом было прислано еще 10 Библий и 49 Новых Заветов на французском, итальянском, немецком, голландском и греческом языках. Присланные книги передавались по назначению¹⁹.

Особый интерес представляют личности и образ жизни пленных генералов. О пребывании в Астрахани Тышкевича сведений в ГААО сохранилось мало. 18 июня 1813 г. на его имя Вязмитиновым было прислано письмо и 1175 руб. ассигнациями, в получении которых тот предписал взять расписку и отправить ему. Незадолго до отправки в отечество генерал получил еще одну крупную сумму - 1800 руб. В июне 1814 г., уже после отъезда Тышкевича, на его имя пришло письмо, переданное через тайного советника и сенатора В.С. Ланского. Письмо было возвращено отправителю. Говоря о бытовых условиях содержания, Тышкевич, со слов его биографа, хоть и жаловался на плохие квартирные условия в Астрахани, но признавал, что выделяемых ему 5 руб. (на самом деле - 3 руб.) в сутки вполне хватало на жизнь и покупку лекарств для лечения ран. Настроение портило и отсутствие информации о событиях на родине²⁰.

В одном русском документе Пельтье характеризовался как «крайне хитрый во всех вещах; много военного опыта и здравый рассудок; это верный подданный своего монарха». Сам генерал вспоминал: «Горячо протестуя против давления, оказываемого на поляков, чтобы заставить их поступить на русскую службу, я был препровождён в государственную тюрьму, где оставался до заключения мира». Действительно, 16/28 октября астраханский губернатор переслал министру полиции письмо Пельтье от 14/ 26 августа, коим тот «осмелился спрашивать его: почему пленные поляки назначены в российскую службу и т.д., заключая, что все это делается вопреки народных прав», и донёс, «что дабы отвратить всякое влияние на умы военнопленных от неприличного поведения означенного генерала Пеллетье произойти могущее, решил он перевести его на жительство из Астрахани в уездный город Красный Яр, поручив тамошнему городничему иметь за ним надлежащий надзор».

Здесь Пельтье проживал со служителем в отведенной квартире. Он мог свободно перемещаться по городу и окрестностям, единственным ограничением было требование находиться в квартире после захода солнца. Материальное снабжение генерала заключалось в выплатах 3 рублей в сутки, что было весьма крупной суммой. За ним надзирал специально назначенный капитан городской инвалидной команды Митчик, а городничий Богомолов еженедельно рапортовал губернатору об имени пленнике. В

апреле 1814 г. у Пельтье возник конфликт с Митчиком, который несколько раз брал у своего подопечного под предлогом займа сахар, чай, кофе. Когда после очередного требования Пельтье ответил отказом, Митчик запретил ему ходить в дворянские дома, принимать посетителей и даже рыбачить. Пельтье пожаловался городничему, и тот вновь разрешил посещать дворян и заниматься рыбной ловлей «с берега или с лодки, но не далее двух верст от города», однако запретил приходить двум студентам для изучения французского языка, очевидно, опасаясь дурного влияния. Митчик же получил строгий выговор от командира Астраханского гарнизонного полка подполковника Костыгова с приказом воздерживаться впредь от подобных поступков²¹.

Интересна судьба другого военнопленного - лейтенанта Жана Батиста Гранье. Записанный на вестфальскую службу как француз, в прошении губернатору от 12 мая 1813 г. он сообщил, что он «Иван Граниер, родом грек турецкого подданства и житель г.Смирны, православной веры. Четыре года назад поехал по коммерческим делам во Францию в г.Марсель, где французами насильно изъят в их службу. А дабы невозможно было мне от оной освободиться, отправлен в Вестфальское королевство, где и помещен на службу во 2-й кирасирский полк, в котором удостоен поручичьим чином. Взят в плен между Москвой и Коломной 15 сентября 1812 г. и в числе прочих приведен в Астрахань». Он просил губернатора ходатайствовать об освобождении из плена для возвращения в отечество, уверяя, что никогда не желал служить французам. В случае положительного решения вопроса паспорт Гранье просил выдать для проезда через Таганрог. Но прошение осталось неудовлетворенным, и из плена он был освобожден вместе со всеми²².

В мае 1814 г. в губернии появились две новые семьи, созданные пленными. В Астрахани, в местной католической церкви, обвенчались французский рядовой Елоа Дегру с данцигской уроженкой Анной Ковальской. В Енотаевске женились рядовой Жан Губер и девица Марианна Энкен. Интересные подробности этого события можно найти в исследовании о войне 1812 г. французского историка Э. Марко де Сент-Илера, одна из глав которого посвящена судьбам пленных, с которыми автор общался либо знакомился с их неопубликованными рукописями.

В январе 1813 г. в уездном Енотаевске была оставлена партия пленных, взятых в сентябре под Калугой. В их числе находился старший помощник хирурга французского 2-го кирасирского полка Луи Франсуа Эмманюэль Руссо, о котором, собственно, и повествует Сент-Илер. Правда, местом проживания пленных назван «город Саратов Астраханской губернии», но это явная ошибка. Здесь Руссо, благодаря своей профессии и личным качествам, пользовался заслуженным уважением, как среди своих солдат, так и среди обывателей. Полученные за лечение местных жителей средства он использовал для нужд своих товарищей по несчастью. Однажды, удачно прооперировав одного молодого человека, Руссо договорился с отцом больного, производителем водки, об использовании пленных на его предприятии за хорошее жалованье.

Среди французов находилась 16-летняя девушка Марианна, попавшая в плен со своим отцом, фуражиром Жаном Эннекеном (в русских документах - Энке, Инге). Многие пленные помогали ей и оказывали различные знаки внимания, а Руссо называл ее «нашим приемным дитём». Однажды утром к Руссо явился лично преданный ему кирасир, 25-летний Жан Губер (Сент-Илер не сообщает его имени, но по архивным данным его можно установить), который занимался здесь прибыльным ремеслом портного и приобрел небольшой достаток. Молодой человек смущенно объявил своему покровителю о желании жениться на Марианне. Проблемой стала регистрация брака, так как в Енотаевске не было католического священника и даже временно отсутствовал городничий. Руссо взял с жениха слово немедленно по возвращении во Францию узаконить гражданское состояние, о чем был составлен соответствующий протокол, а также устроил приезд из Астрахани монаха-иезуита, который благословил молодых. После этого, в присутствии всех пленных, состоялась блестящая свадьба. Кирасир и его жена, закончил свой рассказ Сент-Илер,

сегодня (в 1846 г.) являются скромными собственниками, которые живут в окрестностях Парижа. В течение 34 лет они никогда не забывали ежемесячно посещать доктора Руссо, к которому сохранили глубокую признательность²³.

Воспоминания оставил и голландский капитан Корнелис-Антониус Гайсвайт ван дер Нет- тен, в августе 1813 г. приведенный в Астраханскую губернию. Находясь в Черном Яре (Сьогпо]ааг), он сообщал, что хорошо размещен в небольшом городе на Волге, в 50 часах пути от Каспийского моря, в, пожалуй, самом здоровом климате мира. Зима в тот год началась в ноябре и продолжалась три месяца, до вскрытия реки. Небо было почти всегда ясное, а дожди редки. Переход от зимы к лету произошел внезапно, и к середине апреля 1814 г. стояла такая жара, что почти ничего от нее не спасало. О болезнях в этой местности не было слышно, и люди умирали только от старости. Самый большой недостаток, от которого страдал голландец, заключался в отсутствии книг и нехватке общения, так как жители тут говорили только на русском языке. Тем не менее он проводил время наилучшим образом, делая записи и рисуя.

Отмечал мемуарист и дешевизну продовольствия. Фунт мяса, например, стоил 3 коп., фунт белого хлеба - 5 коп., дюжина яиц - 12 коп. Щука весом 20 фунтов (более 8 кг!) продавалась за 20-25 коп., далее пропорционально. Самыми дорогими являлись фрукты, которые доставлялись кораблями за 50-60 часов из немецких колоний. Цены были так низки, что обер-офицер- ского ежедневного жалованья в 50 коп. вполне хватало, чтобы хорошо питаться и поддерживать порядок. Но это не относилось к расходам на стирку одежды и покупку предметов первой необходимости, которые были очень дороги²⁴.

Военнопленные были участниками различных происшествий, причем становились как обвиняемыми, так и потерпевшими. Так, 3/15 августа 1813 г. в Черном Яру пленные офицеры, прогуливаясь по городу, отмечали день рождения Наполеона. Двое из них - лейтенанты голландец Бернар Сток и француз Жан-Антуан Гренье - сидели на берегу Волги. Проходящий мимо мещанин Тимофей Русаков бросил камень в их сторону и попал в голову Гренье, чем «причинил ему контузию». Обиженные офицеры бросились вдогонку за убегающим Русаковым, чтобы отвести его в полицию. У дома канцеляриста Михай- лы Беднякова они нагнали Русакова, порвав ему при этом рубаху, но тут на шум вышли сам Бедняков и его сослуживец Николай Журавлев, которые стали отбивать Русакова у преследователей. Русакову удалось скрыться, а между оставшимися продолжилась драка, причем в ход был пущен нож. В результате у Беднякова оказалась резаная рана щеки, а у Стока - колотая рана ноги и изорванные панталоны. После противники явились к черноморскому городничему Усовскому и подали жалобы друг на друга. Дело было отправлено в Черноморский земский суд. В ходе следствия так и не было выяснено, кому принадлежал нож, причем если пленные в своих показаниях были последовательны, то канцеляристы местами противоречили друг другу. Свидетели видели только погоню за Русаковым, а самой драки - нет, поэтому не могли внести ясность в этот запутанный вопрос. Сложность в ход судебного процесса вносило и незнание иностранцами русского языка, а в Черном Яру не было знатоков французского. Поэтому с подследственных снимались письменные показания, отправлялись в Астрахань, а после получения перевода с французского суд продолжался.

В итоге он был закончен лишь в мае следующего года. Вина Стока и Гренье как зачинщиков драки доказана не была, поэтому они были освобождены из-под суда. Было учтено и трехнедельное пребывание их под арестом, и то, что Сток тоже был ранен. Наказание их заключилось в испрашивании прощения перед судом у Беднякова и Русакова, что и было сделано через переводчиков, и в извещении о случившемся их начальства при освобождении. Получив решение суда, губернатор предписал черноморскому городничему включить Стока и Гренье в партию отправлявшихся домой²⁵.

В октябре 1813 г. штабс-капитан Курбатов, отвечавший в Астраханском гарнизоне за поляков, по разговорам между ними узнал, что у капрала Цислицкого якобы имеется

церковный сосуд. При обыске сосуда найдено не было, но обнаружили другие вещи, например 4 женских платья, платки, орденские ленты и пр. Эти предметы были изъяты и переданы в ведомство Астраханского гарнизонного полка, где Цислицкий состоял на службе²⁶.

В июле 1814 г. дворянский заседатель астраханского земского суда Зимбилевский отправился в пригород Астрахани, селение Карантинное, откуда крестьянская жёнка подала жалобу, что поставленный к ней на квартиру французский солдат требует от нее сметаны, молока, яиц, цыплят и прочего продовольствия, угрожая побоями. Зимбилевский стал призывать этого рядового воздержаться от таких поступков, но тот объявил, что кроме своих офицеров никому не хочет повиноваться. Заседатель, видя нетрезвость солдата, приказал посадить его под арест, за что получил удар в щеку, а когда Зимбилевский приказал задержать непокорного, все пленные, около 80 человек, окружили его, а один, ударив в лицо и схватив за волосы, свалил на землю. От дальнейшей расправы чиновник едва освободился при помощи жителей селения. Зимбилевский подал жалобу коллежскому асессору Жеребцову, назначенному сопровождать пленных, в ближайшее время отправляющихся домой, но тот не принял никаких мер. Потерпевший пожаловался губернатору, который приказал земскому исправнику Смолянинову найти виновных, тем более что в станице Дурновской одной женщине пленными уже были причинены побои, оставшиеся без наказания. Однако выяснилось, что пленные уже покинули Карантинное. Вдогонку им был отправлен чиновник Русинов, который вместе с Жеребцовым определил виновных. Ими оказались французские рядовые Сокар и Пфедекорн, которые были арестованы и под караулом возвращены в Астрахань. Следствие над ними продолжалось до декабря, когда они были освобождены по Высочайшему манифесту о даровании прощения преступникам из военнопленных, не совершившим тяжелые преступления²⁷.

Также незадолго до освобождения пленных подполковник Кистыгин уведомил губернатора, что ночью были взломаны двери Астраханского цейхгауза и из него похищены несколько казенных вещей. В краже были заподозрены ночевавшие неподалеку поляки, и по предложению губернатора они были обысканы, но украденного при них не нашлось²⁸.

Еще одно происшествие было связано с польским рядовым Григоровичем, который был изобличен полицией в продаже украденных из дома казачьего пятидесятника Дадашева серебряных драгоценностей. На допросе обвиняемый показал, что нашел эти вещи на чердаке бани мещанина Титовцова, которую он ремонтировал по найму. Позже была найдена настоящая виновница кражи, которая и спрятала драгоценности. Причастность к краже Григоровича доказана не была, поэтому он был освобожден из-под суда и вновь включен в отправляемую домой партию²⁹.

Освобождение военнопленных происходило по мере подписания договоров с европейскими государствами, вступающими в борьбу против Наполеона. Первыми Астраханскую губернию стали покидать пленные испанцы и пруссаки. В январе 1813 г. в Астрахани были собраны 5 испанских рядовых и прусские штаб-лекарь Мильдо и 17 нижних чинов. В начале февраля первые были отправлены в Санкт-Петербург, а последние - в Ригу.

В июне 1813 г. в Белосток отправились 4 саксонских рядовых. Тогда же, по именному Высочайшему соизволению, губернию покинули поляки шеф эскадрона Жван и капитан граф Дрохойевский. Очевидно, в начале 1814 г. в отечество был отправлен саксонский врач 2-го класса Вансович³⁰.

3 февраля 1814 г. было получено распоряжение об освобождении, в частности, голландцев из немецких земель и всех германцев через Белосток. 11 марта была получена поправка, что, если голландцы еще не отправлены, отсылать их в Ригу. На тот момент в губернии находилось: голландцев - 3 обер-офицера, 15 рядовых и германцев - 5 рядовых. Позже к ним был присоединен для отправки в Радзивиллов австрийский подданный,

рядовой французской службы Мали. Из них 3/15 мая в путь выехали два голландских офицера, в том числе ван дер Неттен, два сержанта и австрийский музыкант, очевидно, Мали. 16 мая в Белосток отправились генерал Тышкевич и шеф эскадрона Суминский. Там они были встречены полковником И. Фальковским, который в 1812 г. занимался вопросами российских военнопленных³¹.

1 июня в Астрахани было получено распоряжение об освобождении всех военнопленных. К этому времени в губернии находились итальянцы - 3 обер-офицера, 2 рядовых, французы - 1 генерал, 3 штаб-, 24 обер-офицера, 87 нижних чинов, 6 женщин, голландцы французской службы - 1 обер-офицер и 1 рядовой, всего 128 человек. При получении этого распоряжения генерал Пельтье, лейтенанты Вежу и Гранье и сулейтенант граф де Люр Салюс выразили желание ехать домой за собственный счет. 25 июня они с одним рядовым в сопровождении казачьего старшины Рябова отправились в Белосток. Рябов вернулся в середине сентября и передал губернатору письмо от Пельтье, в котором тот засвидетельствовал, что «старшина Рябов во время пути вел себя честно и скромно и обходился с пленными весьма вежливо». Об этом Андреевский сообщил командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору Попову.

Остальные, кроме шефа батальона Херберта (возможно, больного) с денщиком и находящихся под судом двух французских рядовых, в начале июля выступили в путь под командованием коллежского асессора Жеребцова. Итальянцы следовали до Радзивиллова, остальные - до Белостока³².

Массовое отправление поляков «в дома их» началось позже, чем военнопленных других наций. Так как они числились за Военным министерством, то распоряжение об их освобождении исходило от соответствующего министра генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова 1-го, который объявил высочайшую волю командиру 19й дивизии генерал-майору И.П. Дельпоцо, а он в свою очередь известил командира Астраханского гарнизонного полка подполковника Кистыгина. Тот получил приказ о роспуске поляков по домам 19 июля 1814 г. На тот момент в его ведении из числа поляков находилось 4 унтер-офицера, 385 рядовых, 1 цирюльник, 13 женщин и 5 детей. По приказу Кистыгина поляки, находившиеся в других местах, были присланы в Астрахань. Для покупки нужной одежды и обуви для отправляющихся в путь стряпчий Змиев 17 августа получил из казенной палаты 4000 руб.

Первая партия поляков отправилась из Астрахани 3 сентября 1814 г. Штурман 12 класса Бочкарев с конвоем из 1 унтер-офицера и 8 рядовых гарнизонного полка повел в Белосток 198 нижних чинов и 9 женщин, на жалованье, прогон и питание которых из казенной палаты было выделено 7154 руб. 75 коп.

Вторая партия поляков, насчитывающая 170 нижних чинов и 4 женщины, выступила в путь 7 октября в сопровождении отставного подпоручика Машадова. На ее содержание он получил 5572 руб. 90 коп. С этой партией должны были отправиться унтер-офицеры Бачинский, Сичковский, Бродницкий и рядовой Черноземский. Однако они оставались в полку под судом по оговору находившегося в польской службе беглого российского солдата Добровольского, заявившего, что названные поляки родом из отошедших от Польши к России территорий, а стало быть, российскоподданные. По предписанию генерала Дельпоцо от 14 октября и на основании высочайшего манифеста от 30 августа 1814 г. о даровании прощения подобным преступникам они были освобождены из-под суда. К этому времени их партия покинула Астрахань, и им пришлось догонять ее уже в пути.

По словам Новацкого, многие местные жители жалели об их отъезде, говоря между собой: «Это не поганые французы с их антихристом Наполеоном, опустошившим Москву». Даже из своего ухода из Астрахани поляки сделали целое представление. Желая возвратиться домой с триумфом, они скинулись по 5 коп., чтобы купить несколько барабанов. При отправлении домой их партии поляки разделились на три отряда. Первый

из них с музыкантами промаршировал через город до переправы. Там поляки уселись в лодки и под звуки музыки переправились через реку. После этого музыканты вернулись в город за вторым, а потом и за третьим отрядом, и пленные вновь повторяли свой марш под барабанный бой. Со стен крепости за переправой следили многочисленные жители, господа и обыватели.

После ухода этих партий в губернии оставались 6 больных поляков. Однако в ноябре в Астрахань пришла еще одна партия поляков, возможно из числа распределенных по отдаленным гарнизонам. 7 декабря в сопровождении титулярного советника Шакулова они выступили в Белосток в количестве 236 нижних чинов и 1 женщины. С ними следовали и французы, шеф батальона Херберт с денщиком и освобожденными из-под суда рядовыми Сокаром и Пфедекорном. Возможно, с ними отбыл и вахмистр прусского гусарского полка Соколовский, находившийся под арестом за побег и освобожденный по высочайшему повелению³³.

В пути из этой партии неожиданно бежал польский рядовой Францишек Розенберг, о котором за две недели до побега Шакулов сообщал в рапорте губернатору. Как выяснилось, с отправлявшимися домой поляками сбежала крепостная девка полковника Брыля, захватив с собой 15 руб. и два женских платья. Очевидно, у Брыля были обоснованные подозрения о местонахождении беглянки, потому что вдогонку пленным им был отправлен нарочный, подпоручик Дмитриев. Девка с деньгами и вещами была найдена, а пленный Розенберг признался, что она «явилась к нему сама, без его приглашения». Пропажа была возвращена владельцу 16 декабря, а 2 января недалеко от Царицына скрылся сам Розенберг, о чем Шакуловым было дано знать местным властям³⁴. Причина побега очевидна, но дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

Пленным предлагалось остаться в России и принять подданство. По Астраханской губернии такое желание выразили 36 человек, в том числе 26 поляков, 4 француза, 3 крещеных еврея из войск Герцогства Варшавского, 2 голландца, 1 итальянец. Известно, что 18 из них желали приписаться к мещанскому сословию. Сохранились упоминания о профессиях некоторых принявших подданство - 4 портных, 3 сапожника, 2 музыканта, 1 аптекарь и 1 типографщик. Кроме того, два поляка переехали сюда из других губерний, Кавказской и Киевской. Оба были причислены к астраханскому мещанству.

По свидетельству Новацкого, поляки, еще находясь в Астрахани, злоязычили над теми своими земляками, которые пожелали остаться в России, называли их предателями отчизны, и те даже не могли спокойно появляться в их обществе³⁵. Последними пленными в Астраханской губернии в июне 1815 г. оставались поляки П. Бобинский и Ю. Задорожский, а также француз Л. Жозеф. Первый находился в больнице, а последние - в услужении у частных лиц³⁶.

WAR PRISONERS FROM THE GREAT ARMY IN THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE 1812-1814

© 2014 A.I. Popov¹, S.N. Khomchenko²

¹ Volga Branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Samara

² State Borodino War-Historical Museum-Reserve

The authors study the fate of the war prisoners from Napoleon's Great Army who had been captured in 1812 and then were located in Volga provinces, primarily the Astrakhan province. The wide sources from Russian archives complement evidences from foreign sources, including memoirs. The authors point that the attitude to the Polish prisoners of war was more severe than to the representatives of other nations; it could be caused by more than two centuries of enmity between the two peoples.

Keywords: Patriotic war of 1812, war prisoners from the Great Army, Polish war prisoners,

Astrakhan province, archival sources and memoirs.

Andrey Popov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher.

Sergey Khomchenko, Candidate of History, Senior Researcher.

Примечания

¹ Государственный архив Астраханской области (далее - ГААО). Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.334. Л.2-2об., 6-6об.

² Это были 3-го уланского полка шеф эскадрона Ян Суминьский и капитаны Александр Кожуховский и Эдвард Домбровский, капитаны 2-го уланского Юзеф Блещиньский, 7-го уланского Юлиан Ласоцкий и 11-го уланского граф Ян Дрохойевский, поручики 2-го уланского Казимеж Сквороньский и Антони Марковский, 3-го уланского Юзеф Штембарский и Павел Рутковский, 7-го уланского Станислав Годлевский, 11-го уланского Пётр Чарнек, 15-го уланского Запольский, го уланского полка подпоручик Киприан Заблоцкий, адъютант Ян Краснодембский и доктор Вацлав Бургоний (из Богемии). Нижние чины также принадлежали к этим полкам.

³ Тадеуш Тышкевич (17.9.1774-15.5.1852), командир 19й бригады лёгкой кавалерии 5-го армейского (польского) корпуса был взят в плен вместе со старшим хирургом польского 4-го конно-егерского полка Мильдо (пруссак) в бою под Медынью 25 октября, а Жан- Батист Пельтье (16.2.1777-27.5.1862), командующий артиллерией 5-го корпуса, вместе с адъютантом, шефом эскадрона Казимежем Жваном 3 ноября в сражении при Вязьме приняли войска русской 4-й пехотной дивизии за французские и «сами приехали в плен» (*Полов А.И.* Потери Великой армии в 1812 году. Высший командный состав // Император. 2006. №10. С.8, 11).

⁴ Штабной полковник Мишель-Жозеф-Раймон Мора (12.1.1772-1.7.1839), начальник штаба 3-й пехотной дивизии (взят в плен у Вязьмы), и су-лейтенанты 53-го линейного полка Николя *Нарбонн-Лара* (ранен и взят в плен 4 ноября) и 8-го конно-егерского полка граф Амедэ Де Люр *Салюс* (камергер) (*Quintin D. et V. Dictionnaire des colonels de Napoleon.* Paris, 1996. P. 630).

⁵ Там же. Л.98, 128, 151, 252, об., 277, об.; Оп.13. Д.53, Л.15об.

⁶ Там же. Оп.3. Т.2. Д.334. Л.38-38об, 41-41об, 96, 98, 119, 128, 138-138об. В Черном Яру 21 августа/2 сентября были оставлены шедшие из Рязани через Тамбов лейтенанты 12-го конно-егерского полка Огюст-Анри Двина и 9-го кирасирского полка Николя Грандидье (род. 21.6.1776), взятый в плен 26 сентября под Калугой, и лекарь «поручичьего чина» Луи Леборнь. В Енотаевске были оставлены капитан 5-го кирасирского Пьер Вамблер и лейтенант 2-го кирасирского Жан-Батист Гранье (грек) (*Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805-1815).* Paris, 1899. P.531; *Lapray O. Dictionnaire des officiers de cuirassiers du Premier Empire 1804-1815.* Paris, 2008. P.108).

⁷ Российский Государственный Исторический архив (далее - РГИА). Ф.1409. Оп.1. Д.656, Ч.1. Л.176-179; ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1519. Л.39-39об.; Оп.4. Т.1. Д.21. Л.7- 16; Оп.13. Д.53. Л.1-27об.

⁸ Шеф батальона 105-го линейного полка Людвиг Херберт был ранен и взят в плен 10 декабря у Вильно (*Martinien.* Op. cit. P.325).

⁹ Шеф батальона Александр-Жозеф Хосселет, командир 2-го батальона 126-го (голландского) линейного полка (ранен и взят в плен 14 ноября под Смоленами), и директор госпиталей 3-го корпуса Гастон-Антуан Бурсье (*Martinien.* Op. cit. P.357).

¹⁰ *Капитаны* Корнелис-Антониус Гайзвайт ван дер *Неттен* (19.7.1771-27.5.1847), командир эскадрона 11-го (голландского) гусарского полка (ранен и взят в плен 28 ноября на Березине), 29-го лёгкого полка Жозеф Питанс (ранен и взят в плен у Борисова 27 ноября), 28-го конно-егерского полка Людвиг Берзетти (пленён на Березине), *лейтенанты* 126-го линейного полка Симон Савеньи, 29-го лёгкого полка Жозеф-Виктор Друэль (27 ноября у Борисова) и Пьер-Жозеф Ное, 7го лёгкого Жозеф Исартье де ла Тур, *су-лейтенанты* 108-го линейного Франсуа Гюй, 126-го линейного Бернард-Жан Сток, Жан-Анри Десеф и Фердинанд Кригер (адъютант), 19-го лёгкого Жан-Антуан-Мари Гренье, 29-го лёгкого Адриен Лефевр, Жан Журкен, Жан- Батист Боннот и Этьен-Эдуар Дюрон (27 ноября у Борисова), 111-го линейного Карло Комачи, 6-го артиллерийского Пьер-Жозеф Роар и Жан Леромансе, 4-го артиллерийского Клод Вежу, 28-го конно-егерского Сальви Венцо, смотритель госпиталей 3-го корпуса Жозеф-Антуан Бурсье, сын предыдущего (*Martinien.* Op. cit. P.630, 458, 613, 457, 458). Голландцы Неттен и Кригер оставили воспоминания, но они не опубликованы (Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С.544).

¹¹ ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1166. Л.44; Оп.4. Т.1. Д.185. Л.1- 2; Оп.13. Д.53. Л.29об.-77об.; *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С.230-232, 234-236.

- ¹² ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.831. Л.528.
- ¹³ Там же. Д.334. Л.3-3об., 176, 192-193, 240; Д.963. Л.1- 49; Д.1081. Л.19; Д.1508. Л.7-15.
- ¹⁴ Там же. Д.1530. Л.118, 122-122об., 132-132об.; Оп.4. Т.1. Д.437. Л.1-2об., 31-32; Оп.10. Д.939. Л.1, 32-37.
- ¹⁵ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1530. Л.52-52об; Оп.4. Т.1. Д.348. Л.1-5 об.
- ¹⁶ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1080. Л.8-8об.; Оп.4. Т.1. Д.165. Л.96; Д.264. Л.27; *Marco de Saint-Hilaire E. Histoire de la campagne de Russie pendant l'annee 1812: et de la captivite des prisonniers francais en Siberie et dans les autres provinces de l'empire, precedee d'un resume de l'histoire de Russie. Paris-Geneve, 1846. Т.2. P.605-606; Ibid. Napoleon en Russie. La campagne de 1812. Paris, 2003. P.594-597; Nowacki S. Pod^ze do Georgii w czasie moiey niewoli w Rosssyi. Odbyte w roku 1813, 1814 i 1815. Poznan, 1833. S.78-79, 86.*
- ¹⁷ ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.1. Д.21. Л.7-21; Оп.10. Д.979. Л.1-4; Ф.484. Оп.1. Д.3. Л.3, 6, 28.
- ¹⁸ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1506. Л.1-9, 58.
- ¹⁹ Там же. Д.1498. Л.2, 6.
- ²⁰ Там же. Д.1505. Л.75; Д.1530. Л.123-123об.; Оп.4. Т.1. Д.518; *Zywot Tadeusza Tyszkiewicza. Opowiedzial Waleryan Kalinka. Poznan, 1853. S.128-129.*
- ²¹ Российский Государственный Военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф.846. Оп.16. Д.506. Л.1-2об; ГААО. Ф.1. Оп.3. Т. 2. Д.334. Л.264-266; Д.1530. Л.21; Оп.4. Т.1. Д.184. Л.1-5об.; *Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. Vol.I. Paris, 1912. P.108-109.*
- ²² ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1530. Л.1-1об. Во 2-м вестфальском кирасирском полку числился адъютант Granier (француз), 17.5.1811 г. произведённый в унтер-лейтенанты (*Lynsmann F. Die Armee des Konigsreichs Westfalen. Berlin, 1935. S.236-237*). Он был взят в плен 15/27 сентября.
- ²³ ГААО. Д.1166. Л.31-32об.; Оп.4. Т.1. Д.285. Л.1-5; *Marco de Saint-Hilaire. Op. cit. P.605-608; Военнопленные армии Наполеона в России... С.524-526.*
- ²⁴ Algemeen Rijksarchief. Coll. 142 - Geisweit van der Netten. Inv. nr. 31 - Dagboek gemaakt ten tijde van de veldtocht naar Rusland onder Napoleon. S.115-116.
- ²⁵ ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.1. Д.165. Л.13, 20, 25, 74-77, 158; Ф.13. Оп.1. Т.17. Д.26603. Л.1-7; Т.18. Д.28186. Л.1-7.
- ²⁶ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1108. Л.1-9.
- ²⁷ Там же. Оп.4. Т.1. Д.165. Л.121, 124; Д.179. Л.1-6, 8; Ф.13. Оп.1. Т.18. Д.28365. Л.1.
- ²⁸ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1530. Л.71-71об.
- ²⁹ Там же. Оп.4. Т.1. Д.714. Л.1-15.
- ³⁰ РГИА. Ф.1409. Оп.1. Д.656. Ч.2. Л.172, 215об; Д.657. Л.111- 113об; ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.334. Л.247; Д.985. Л.15; Д.1505. Л.79; Д.1508. Л.7-15; Д.1519. Л.1, 39, 49-49об.
- ³¹ ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1530. Л.11-12об., 88; Оп.4. Т.1. Д.296. Л.1, 3, 5, 15-15об., 21; Algemeen Rijksarchief. Col. 142. Inv. nr. 31. S.115.
- ³² ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1530. Л.103-103об.; Оп.4. Т.1. Д.165. Л.1, 37, 43, 50, 93, 128-131об., 196, 289.
- ³³ Там же. Оп.3. Т.2. Д.1096. Л.26, 37-37об., 85, 87, 90, 118, 121, 205; Оп.4. Т.1. Д.264. Л.1, 17-17об., 27, 73-73об., 114, 146, 197, 199, 201, 226, 227, 238; *Nowacki. Op. cit. S.87- 89.*
- ³⁴ ГААО. Ф.1. Оп.3. Т.2. Д.1096. Л.25-25об., 53-53об.
- ³⁵ Там же. Д.1530. Л.58-59, 86, 114-114об.; Оп.4. Т.1. Д.515. Л.1-4; Д.516. Л.1-6, 14; Д.550. Л.1; Оп.10. Д.941. Л.15, 17, 53, 57, 75; *Nowacki. Op. cit. S.86.*
- ³⁶ ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.1. Д.1144. Л.9.